

ДЖОРДЖ

ОРУЭЛЛ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

**СКОТНЫЙ ДВОР.
ЭССЕ**

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Джордж Оруэлл
Скотный Двор. Эссе (сборник)

«ФТМ»
«Издательство АСТ»
1945, 1938-1949

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Оруэлл Д.

Скотный Двор. Эссе (сборник) / Д. Оруэлл — «ФТМ»,
«Издательство АСТ», 1945, 1938-1949 — (Эксклюзивная классика
(АСТ))

ISBN 978-5-17-082849-4

В книгу включены не только легендарная повесть-притча Оруэлла «Скотный Двор», но и эссе разных лет – «Литература и тоталитаризм», «Писатели и Левиафан», «Заметки о национализме» и другие. Что привлекает читателя в художественной и публицистической прозе этого запретного в тоталитарных странах автора? В первую очередь – острейшие проблемы политической и культурной жизни 40-х годов XX века, которые и сегодня продолжают оставаться актуальными. А также объективность в оценке событий и яркая авторская индивидуальность, помноженные на истинное литературное мастерство. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-082849-4

© Оруэлл Д., 1945, 1938-1949

© ФТМ, 1945, 1938-1949

© Издательство АСТ, 1945, 1938-1949

Содержание

Предисловие к украинскому изданию «Скотного Двора»	6
Скотный двор	9
Глава I	9
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Джордж Оруэлл Скотный Двор. Эссе (сборник)

George Orwell
ANIMAL FARM
ESSAYS

© George Orwell, 1945, 1938–1949

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Предисловие к украинскому изданию «Скотного Двора»

1

Меня попросили написать предисловие к украинскому переводу «Скотного Двора». Я понимаю, что пишу для читателей, о которых ничего не знаю, да и они, по всей вероятности, ничего не слышали обо мне.

Скорее всего они ожидают, что в предисловии я расскажу о том, как возник «Скотный Двор», но прежде я хотел бы рассказать кое-что о себе и о том, как я пришел к моей теперешней политической позиции.

Я родился в 1903 году в Индии. Мой отец служил там в английской администрации, и семья моя была обычной семьей среднего класса, такой же, как другие семьи военных, священников, правительственных чиновников, учителей, адвокатов, врачей и т. д. Я учился в Итоне, самой дорогой и снобистской из английских за крытых частных школ. Но попал я туда только потому, что получил стипендию, – иначе отцу было бы не по карману отправить меня в такую школу.

Вскоре после ее окончания (мне еще не исполнилось двадцати лет) я отправился в Бирму и поступил в Индийскую имперскую полицию. Это была военизированная полиция, род жандармерии, наподобие испанской *Guardia Civil* или *Garde Mobile* во Франции. Я прослужил в ней пять лет. Служба мне не нравилась, и я возненавидел империализм, хотя в то время националистические настроения в Бирме не очень ощущались, и отношения между англичанами и бирманцами были не особенно плохими. В 1927 году, во время отпуска в Англии, я подал в отставку и решил стать писателем. Стал писать, но поначалу без особого успеха. В 1928–1929 годах я жил в Париже, писал рассказы и романы, которые никто не хотел печатать (потом я все их уничтожил). В последующие годы я едва сводил концы с концами и несколько раз голодал. Зарабатывать на жизнь своими писаниями я стал лишь с 1934 года. А до тех пор иногда месяцами жил среди бедной и полукриминальной публики, которая обитает в худших частях бедных районов или промышляет на улицах воровством и попрошайничеством. В то время я общался с ними вынужденно, из-за недостатка денег, но позже их образ жизни очень заинтересовал меня сам по себе. Много месяцев я провел за изучением (на этот раз систематическим) условий жизни шахтеров на севере Англии. До 1930 года я не считал себя социалистом. У меня не было четко определенных политических взглядов. Я стал склоняться к социализму скорее из отвращения к тому, как угнетают и игнорируют беднейшую часть промышленных рабочих, чем из теоретического восхищения плановым обществом.

В 1936 году я женился. Чуть ли не в ту же неделю началась гражданская война в Испании. Мы с женой оба хотели поехать в Испанию и воевать на стороне испанского правительства. Через шесть месяцев, как только я закончил книгу, мы туда отправились. В Испании на Арагонском фронте я провел почти полгода – пока фашистский снайпер в Уэске не прострелил мне горло.

На ранних этапах войны иностранцы, в общем, не знали о внутренних конфликтах между разными политическими партиями, поддерживающими правительство. Благодаря ряду случайностей я вступил не в Интернациональную бригаду, как большинство иностранцев, а в ополчение POUM – то есть испанских троцкистов.

¹ © Перевод. В. Голышев, 2010. Это предисловие написано для издания, которое распространялось украинской организацией перемещенных лиц в Мюнхене.

И вот в середине 1937 года, когда коммунисты получили контроль (или частичный контроль) над испанским правительством и начали охоту на троцкистов, мы с женой оказались в числе ее жертв. Нам повезло: мы выбрались из Испании живыми и даже ни разу не были арестованы. Многих наших друзей расстреляли, другие подолгу просидели в тюрьмах или просто исчезли.

Эта охота за людьми в Испании проходила одновременно с большими чистками в СССР и была как бы их дополнением. В Испании и в России обвинения были одни и те же (а именно сговор с фашистами), и, что касается Испании, у меня были все основания считать, что обвинения эти ложные. Это был наглядный урок: он показал мне, насколько легко тоталитарная пропаганда может управлять мнением просвещенных людей в демократических странах.

Мы с женой видели, как ни в чем не повинных людей бросают в тюрьму только потому, что подозревают их в неортодоксальности. Однако по возвращении в Англию мы обнаружили, что множество разумных и хорошо информированных наблюдателей верят в самые фантастические сообщения газетчиков о заговорах, изменах и вредительстве, якобы вскрывшихся на московских процессах.

И я понял яснее, чем когда бы то ни было, до какой степени плохо влияет советский миф на западное социалистическое движение.

Здесь я останавлиюсь, чтобы объяснить мое отношение к советскому режиму.

Я никогда не был в России, и все мои знания о ней ограничиваются тем, что я прочел в книгах и газетах. И будь у меня такая возможность, я все равно не захотел бы вмешиваться во внутренние советские дела: я не стал бы осуждать Сталина и его соратников только за их недемократические и варварские методы. Вполне возможно, что при том положении, в каком находится страна, они не могли вести себя иначе, даже имея самые лучшие намерения.

Но с другой стороны, для меня было крайне важно, чтобы люди в Западной Европе увидели советский режим таким, каков он есть. С 1930 года я не видел почти никаких признаков того, что СССР движется к социализму в истинном смысле этого слова. Напротив, по всем приметам он превращался в иерархическое общество, где у правителей так же мало оснований отказаться от власти, как у любого другого правящего класса. Кроме того, рабочие и интеллигенция в такой стране, как Англия, не могут понять, что сегодняшний СССР сильно отличается от того, чем он был в 1917 году. Отчасти они и не хотят этого понимать (то есть хотят верить, что где-то действительно существует социалистическая страна), а отчасти, привыкнув к сравнительной свободе и умеренности в общественной жизни, просто не могут себе представить, что такое тоталитаризм.

Но надо помнить, что Англия не вполне демократическая страна. Это к тому же страна с большими классовыми привилегиями (и даже сейчас, после войны, которая несколько всех уравнивала, с огромным разрывом в доходах). Тем не менее это страна, где люди несколько веков жили, не зная гражданской войны, где законы относительно справедливы, где официальным известиям и статистике почти всегда можно верить и, наконец, где меньшинство может иметь и выражать собственные взгляды, не подвергаясь смертельной опасности. В такой атмосфере обыватель не способен понять, что такое концентрационные лагеря, массовые депортации, аресты без суда, цензура и прочее. Все, что он читает о такой стране, как СССР, автоматически переводится в английские понятия, и он наивно принимает на веру выдумки тоталитарной пропаганды. До 1939 года и даже позже большинство английского народа не имело представления о подлинном характере нацистского режима в Германии, а теперь находится под властью таких же иллюзий насчет советского режима.

Это принесло большой вред социалистическому движению в Англии и серьезно повлияло на английскую внешнюю политику. По моему мнению, ничто так не исказило первоначальную идею социализма, как вера в то, что Россия – социалистическая страна и всем действиям ее властей надо если не подражать, то находить оправдание.

Так за последние десять лет я убедился, что если мы хотим возродить социалистическое движение, то советский миф должен был разрушен.

Вернувшись из Испании, я решил разоблачить советский миф с помощью истории, которая может быть понятна почти каждому и легко переведена на другие языки. Однако конкретные детали истории мне не давались, пока однажды (я жил тогда в деревеньке) я не увидел мальчика лет десяти, который гнал по узкой тропинке громадную упряжную лошадь и хлестал ее всякий раз, когда она хотела свернуть. Мне пришло в голову, что если бы такие животные осознали свою силу, мы потеряли бы над ними власть, и что люди эксплуатируют животных примерно так же, как богатые эксплуатируют пролетариат. Я стал анализировать теорию Маркса с точки зрения животных. Им ясно, что представление о классовой борьбе между людьми – чистая иллюзия, ибо, когда надо эксплуатировать животных, все люди объединяются против них: подлинная борьба идет между людьми и животными. Отправляясь отсюда, уже нетрудно было сочинить историю. Я не садился ее писать до 1943 года, потому что все время был занят другой работой, не оставлявшей мне времени; а в конце концов включил некоторые события, например, Тегеранскую конференцию, которые происходили, когда я уже писал. Так что основные контуры повести я держал в голове шесть лет, прежде чем взялся за перо.

Комментировать повесть я не хочу; если она не говорит сама за себя, значит, она не удалась. Но хотел бы сделать два замечания: во-первых, при том, что многие эпизоды взяты из реальной истории русской революции, они представлены схематично и хронологический порядок их изменен; этого требовала симметрия повествования. И второе, упущенное из виду большинством критиков, возможно, потому, что я недостаточно это выделил. Кое-кто из читателей может закрыть книгу с впечатлением, что заканчивается она полным миром между свиньями и людьми. Мой замысел был не таков; наоборот, я намеревался закончить на громкой ноте несогласия, потому что дописывал повесть сразу после Тегеранской конференции, закрепившей, как всем казалось, наилучшие отношения между СССР и Западом. Лично я не верил, что такие хорошие отношения сохранятся надолго, и, как показали события, не очень ошибся...

Март 1947 г.

Скотный двор

Глава I

Мистер Джонс, хозяин Господского Двора, запер на ночь курятник, но про лазы для молодняка спьяну забыл. Фонарь в его руке ходил ходуном, круг света метался из стороны в сторону, когда он, выписывая вензеля, прошел к черному ходу, скинул сапоги, нацедил в кладовке свою последнюю в этот день кружку пива из бочки и залез в кровать, где уже задавала храпака миссис Джонс.

Едва в спальне погас свет, во всех службах послышались шорох и шуршание. Днем прошел слух, что старику Главарю, призовому хряку средней белой породы, прошлой ночью приснился удивительный сон и он хочет рассказать о нем животным. Договорились, как только мистер Джонс уберется восвояси, собраться в большом амбаре. Старика Главаря (его всегда называли так, хотя выставлялся он под кличкой Краса Уиллингдона) на ферме почитали, и все охотно согласились недоспать час, лишь бы послушать его.

В глубине амбара на чем-то вроде помоста под свисающим с матицы фонарем раскинулся на охалке соломы Главарь. Ему стукнуло двенадцать, и хотя за последние годы он огрузнел, но был по-прежнему величав, мудрого и благожелательного облика этой свиньи не портили даже неподпиленные клыки. Вскоре начали стекаться другие животные, они долго возились, стараясь расположиться – каждое на свой лад – поудобнее.

Первыми прибежали три собаки: Ромашка, Роза и Кусай, за ними притрусили свиньи – эти разлеглись перед помостом на соломе. Куры взгромоздились на подоконники, голуби вспорхнули на стропила, овцы и коровы поместились позади свиней и принялись за свою жвачку. Боец и Кашка, пара ломовых лошадей, пришли вместе, они неторопливо пробирались к помосту, долго искали, куда бы ступить, чтобы невзначай не раздавить копытом с косматой щеткой снующую в соломе мелюзгу. Кашка была дебелая сердобольная кобыла не первой молодости, сильно отяжелевшая после четвертого жеребенка. Боец, могутный коняга чуть не двухметрового роста, силой превосходил двух обычных коней, вместе взятых. Из-за белой отметины на храпу он казался глуповатым, да и впрямь умом не блистал, но его почитали за стойкость и неслыханное трудолюбие. Вслед за лошадьми прискакали белая коза Мона и ослик Вениамин. Вениамин был старше всех на ферме годами и хуже всех нравом. Он больше помалкивал и молчание нарушал, только чтобы отпустить какое-нибудь циничное замечание – к примеру, заявлял, что Господь Бог дал ему хвост, чтобы отгонять мух, но он лично обошелся бы без хвоста и без мух. Он один из всей скотины на ферме никогда не смеялся. И если у него допытывались почему, отрезал: не вижу, мол, повода. При всем при том он был предан Бойцу, хотя никак этого не выказывал, и по воскресеньям они обычно паслись бок о бок в загончике за садом, щипали траву, но разговаривать не разговаривали.

Едва лошади улеглись, как в сарай гуськом прошествовал выводок отбившихся от материнской утяти, они слабо попискивали и шныряли из стороны в сторону, выискивая местечко, где бы на них не наступили. Кашка огородила их передней ногой, они отлично устроились за ней и тут же заснули. В последнюю минуту, жеманно семена и хрупая куском сахара, явилась серая кобылка Молли, хорошенькая дурочка, возившая дрожки мистера Джонса. Она расположилась поближе к помосту и тут же принялась потряхивать гривой – ей не терпелось похвастаться вплетенными в нее красными лентами. Последней пришла кошка, огляделась по сторонам, привычно выбирая местечко потеплее, в конце концов втиснулась между Бойцом и Кашкой и блаженно замурлыкала – речь Главаря от начала до конца она пропустила мимо ушей.

Теперь в амбар сошлись все, за исключением ручного ворона Моисея – он дремал на шестке у черного хода. Когда Главварь убедился, что животные удобно поместились и настроились слушать, он откашлялся и начал свою речь:

– Товарищи! Как вам известно, минувшей ночью мне приснился удивительный сон. Но я перейду к нему попозже. Сначала я хочу с вами поговорить о совсем других вещах. Я думаю, товарищи, что вскоре я вас покину, поэтому считаю своим долгом перед смертью поделиться с вами накопленной мудростью. Я прожил долгую жизнь, пока лежал один в своем закуте, многое успел обдумать и, по-моему, с полным правом могу сказать, что понимаю, как устроена жизнь на земле, не хуже любого другого животного из ныне здравствующих. Вот об этом-то я и хочу с вами поговорить.

Так вот, товарищи, как устроена наша жизнь? Давайте смотреть правде в глаза. Нищета, непосильный труд, безвременная смерть – вот наш удел. Мы появляемся на свет, мы получаем ровно столько корма, чтобы не умереть с голода, а рабочий скот еще и изнуряют работой, пока не выжмут из него все соки, когда же мы больше ни на что не годны, нас убивают с чудовищной жестокостью. Нет такого животного в Англии, которое не распростилось бы с досугом и радостью жизни, едва ему стукнет год. Нет такого животного в Англии, которое не было бы закабалено. Нищета и рабство – вот что такое жизнь животных, и от этого нам никуда не уйти.

Но разве таков закон природы? Но разве страна наша так бедна, что не может прокормить тех, кто в ней живет? Нет, товарищи, нет, нет и еще раз нет. Земля Англии обильна, климат ее благодатен, и, кроме нас, она способна прокормить досыта еще многих и многих. Одна наша ферма могла бы содержать дюжину лошадей, два десятка коров, сотни овец, и все они жили бы привольно и достойно, так, как нам и не снилось. Почему же тогда мы влачим это жалкое существование? Да потому, что плоды нашего труда присваивают люди. Вот в чем причина всех наших бед. Если определить ее коротко – она в человеке. Человек – вот кто наш истинный враг. Если мы уберем человека, мы навеки покончим с голодом и непосильным трудом, ибо человек – их причина.

Из всех живых существ один человек потребляет, но ничего не производит. Он не дает молока, не несет яиц, его нельзя запрячь в плуг, потому что он слишком слаб, ему не поймать кролика, потому что он не умеет быстро бегать. Все так, и тем не менее он властвует над нами. Он заставляет нас работать на себя, забирает плоды наших трудов, нас же самих кормит впроголодь. Нашим трудом обрабатывается земля, нашим навозом она удобряется, а что у нас есть? Ничего, кроме своей шкуры. Вот вы, коровы, сколько литров молока вы дали за последний год? И куда пошло это молоко, которым вы могли бы напоить крепких телят? Его все, до последней капли, выпили наши враги. Вот вы, куры, сколько яиц вы снесли за этот год и из скольких яиц вылупились цыплята? Куда же пошли остальные? Их продали на рынке Джонс и его работники, чтобы выручить деньги для себя. Вот ты, Кашка, где твои жеребята, четверо жеребят, твоя надежда и опора в старости? Их продали одного за другим, едва им стукнул год, и ты никогда больше их не увидишь. Тяжело они тебе достались, тяжело ты работала в поле, и что же ты получила взамен – скудный паек, место в деннике, и больше ничего!

Но даже это жалкое существование обрывают до времени. Мне грех жаловаться, мне повезло. Мне пошел тринадцатый год, четыреста поросят родились от меня. Так природа определила жить хряку. Но нет такого животного, которого в конце жизни не настиг бы беспощадный нож. Вот вы, подсвинки, не пройдет и года, и вы все до одного, отчаянно вереща, простились с жизнью на колоде. Всех вас – коров, свиней, кур, овец, всех-всех ждет этот страшный конец. Даже лошадей, даже собак и тех он не минует. Вот ты, Боец, в тот самый день, когда и тебя, такого могучего, покинут силы, Джонс сбует тебя живодеру, и тот перережет тебе горло и пустит на корм гончим. Собакам же, когда состарятся и обеззубеют, Джонс привяжет кирпич на шею и утопит в ближайшем пруду.

Неужели вам еще не ясно, товарищи, что причина наших бед – гнет людей? Если скинуть человека, никто не будет присваивать плоды нашего труда. Назавтра же мы освободимся от нищеты и бесправия. Итак, что делать? Работать день и ночь, не щадя сил, и свергнуть людское иго! Восстание, товарищи! – вот вам мой завет. Я не знаю, когда разразится восстание – через неделю или через сто лет, но уверен, точно так же как уверен в том, что стою на соломе, рано или поздно справедливость восторжествует. Всю свою, хоть и недолгую, жизнь положите, чтобы приблизить ее! А главное – донесите мой завет до тех, кто придет вам на смену, и пусть грядущие поколения доведут борьбу до победного конца.

И главное, товарищи, будьте стойкими. Не дайте увлечь себя с пути борьбы никакими доводами. Не слушайте, если вам будут говорить, что у человека и скотины общие цели, что их процветание неразрывно связано. Все это вражеские происки. Человек преследует свои, и только свои интересы. И да будет наше единство в борьбе, наше товарищество нерушимо! Все люди – враги. Все животные – товарищи.

Тут поднялась страшная кутерьма. Четыре здоровенные крысы – речь Главаря выманила их из нор, – усевшись на задние лапки, внимали ему. Но дослушать речь до конца им не удалось – они попались на глаза собакам, и, не юркнув в норки, не сносить бы им головы. Главарь поднял ножку, призывая к молчанию.

– Товарищи, – сказал он, – есть один пункт, который следует уточнить. Дикое твари: крысы или, скажем, кролики, – друзья они нам или враги? Давайте проголосуем: кто за то, что крысы друзья?

Тут же состоялось голосование, подавляющим большинством голосов постановили считать крыс товарищами. Против голосовало всего четверо: три собаки и кошка, правда, потом обнаружилось, что она голосовала и «за», и «против». А Главарь продолжал:

– Моя речь близится к концу. Хочу только повторить: никогда не забывайте, что ваш долг – бороться с человеком и всем, что от него исходит. Всякий, у кого две ноги, – враг. Всякий, у кого четыре ноги, равно как и тот, у кого крылья, – друг. Помните также: в борьбе против человека неуподобляйтесь ему. Даже победив его, не перенимайте его пороков. Не живите в домах, не спите на кроватях, не носите одежды, не пейте спиртного, не курите, не занимайтесь торговлей, не берите в руки денег. Все людские обычаи пагубны. А главное – ни одно животное не должно угнетать другого. Слабые и сильные, хитроумные и недалекие, – все мы братья. Ни одно животное не должно убивать другого. Все животные равны.

А теперь, товарищи, я расскажу вам о том, что за сон приснился мне прошлой ночью. Описать его вам я не берусь. Мне снилось, какой станет наша земля, когда человек исчезнет с ее лица. Сон этот воскресил в моей памяти одно воспоминание. Давным-давно, когда я был еще поросенком, моя мать вместе с другими свиньями пела одну старинную песню: помнили они из нее лишь мотив и первые три слова. В детстве я знал этот мотив, но он уже давно выветрился из моей памяти. А прошлой ночью во сне я его вспомнил, мало того, я вспомнил и слова этой песни, слова, которые, я уверен, пела скотина в незапамятные времена, но потом они были забыты, и вот уже несколько поколений их не знают. А сейчас, товарищи, я спою вам эту песню. Я стар, голос у меня сиплый, но я хочу обучить вас ей, а уж вы будете петь ее как следует. Называется она «Твари Англии».

Старый Главарь откашлялся и запел. Голос у него и верно был сиплый, но пел он неплохо. И мотив, помесь «Клементины» и «Кукарачи», брал за сердце. Вот эта песня:

Твари Англии и твари
Всех земель, какие есть,
О земном грядущем рае
Принимайте, твари, весть!

Твари, будете счастливы,
Будет свергнут человек,
Будут все луга и нивы
Тварям отданы навек.

Мы кольцо из носа вынем —
Наша все-таки взяла!
Кнут сломаем, упряжь скинем,
Заржавеют удила!

Может, ждать придется долго,
Но пшеница и ячмень,
Сено, и бобы, и свекла —
Будут наши в этот день!

Станут чище наши воды,
Станет ярче всходов цвет,
Слаще воздуха свободы
Ничего для твари нет.

До свободы путь-дорога
Далека – не все дойдут;
Гуси, лошади, коровы,
Отдадим свободе труд.

Твари Англии и твари
Всех земель, какие есть,
О земном грядущем рае
Принимайте, твари, весть!²

Животные пришли в неистовое возбуждение – так потрясла их эта песня. Не успел Главарь допеть песню до конца, как они тут же подхватили ее. Даже самые тупые усвоили мотив и отдельные слова, но самые из них умные, то есть свиньи и собаки, через несколько минут знали песню наизусть от первого до последнего слова. И, прорепетировав раз-другой, вся ферма как один дружно грянула «Твари Англии». Каждый пел на свой лад: коровы мычали, собаки лаяли, овцы блеяли, лошади ржали, утки крякали. Песня так легла животным на сердце, что они пропели ее пять раз кряду и, наверное, пели бы всю ночь напролет, если бы их не прервали.

На беду, шум разбудил мистера Джонса – он вскочил с постели, решив, что во двор прокралась лисица. Схватил ружье, которое держал на всякий случай в углу, и выстрелил дробью в воздух. Дробины врезались в стену амбара, и собрание мигом расточилось. Все разбежались по своим местам. Куры взобрались на насесты, животные улеглись на солому, и вскоре вся ферма погрузилась в крепкий сон.

² Здесь и далее по тексту «Скотного Двора» перевод стихов В. Корнилова.

Глава II

А через три дня старый Главварь мирно отошел во сне. Его похоронили в дальнем конце сада.

Он умер в начале марта. В следующие три месяца животные всю развернули подпольную работу. У тех, кто поумнее, речь Главваря произвела полный переворот во взглядах. Они не знали, когда сбудется предсказание Главваря, не надеялись, что восстание совершится при их жизни, но твердо знали: их долг – подготовить его. Задачу обучить и организовать животных возложили, конечно же, на свиней. Среди животных они слыли самыми умными. Среди них резко выделялись два молодых хряка Обвал и Наполеон, которых мистер Джонс откармливал на продажу. Наполеон, крупный, свирепого вида беркширский хряк, единственный на ферме беркшир, был немногословен, зато отличался невероятным упорством в достижении цели. Обвал был более живого нрава и куда более речистый и находчивый, но, по общему мнению, уступал Наполеону в силе характера. Кроме них, хряков на ферме не держали, одних подсвинков. Из них самым приметным был жирный подсвинок по имени Стукач, кругломордый, юркий, с бегающими глазками и визгливым голосом. Оратор он был каких мало: когда ему требовалось доказать что-нибудь труднодоказуемое, у него была манера вертеться выюном, крутить хвостиком, и это почему-то убеждало. О Стукаче говорили, что ему ничего не стоит выдать черное за белое.

Вот эти-то трое и развили учение старого Главваря в стройную философскую систему и называли ее «скотизмом». Чуть не каждую ночь, когда мистер Джонс засыпал, они тайно сходились в амбаре и разясняли основные положения скотизма остальной скотине. Невозможно передать, с какой тупостью и равнодушием они столкнулись на первых порах. Кое-кто говорил, что они обязаны хранить верность мистеру Джонсу, и называл его не иначе как хозяин, а то и допускал незрелые высказывания такого рода: «Мистер Джонс нас кормит. Без него мы подохнем с голоду». Кое-кто задавал вопросы другого рода: «Какое нам дело, что станется после нашей смерти?» или «Если восстание все равно произойдет, какая разница, будем мы на него работать или нет?» Свины потратили немало труда, пока убедили, что подобные высказывания несовместимы с духом скотизма. Но самые глупые вопросы задавала Молли, серая кобылка. Ее первый же вопрос Обвалу был: «А после восстания сахар у нас будет?»

– Не будет, – отрезал Обвал. – Мы не можем производить сахар. И вообще, зачем тебе сахар? Ты получаешь вдоволь овса и сена.

– А ленты в гриве можно будет носить? – спросила Молли.

– Товарищ, – сказал Обвал, – эти ленты, которые тебе так любы, символ рабства, вот что они такое. Разве свобода не дороже лент?

Молли согласилась, но без особой уверенности.

А вот опровергнуть выдумки, которые распускал ручной ворон Моисей, свиньям оказалось еще труднее. Моисей, любимец мистера Джонса, был ябедник и наушник, зато умел заговаривать зубы. Он уверял, что есть некий таинственный край, где текут молочные реки с кисельными берегами, туда после смерти отправятся все животные. Край этот, говорил Моисей, на небе, прямо за облаками. Там всю неделю, что ни день, воскресенье, круглый год не переводится клевер, а кусковой сахар и льняной жмых растут прямо на изгородях. Животные терпеть не могли Моисея: он плел небылицы и целый день бездельничал, но некоторые верили в молочные реки и кисельные берега, и свиньям стоило невероятных трудов убедить их, что такого края нет и в помине.

Самыми преданными последователями свиней оказались ломовые лошади – Боец и Кашка. Они ничего не могли придумать самостоятельно, но, раз и навсегда признав свиней своими учителями, буквально впитывали каждое их слово и доходчиво передавали другим

животным. Они не пропускали ни одного подпольного собрания в амбаре и первыми запевали «Твари Англии», которыми неизменно завершались собрания.

Восстание осуществилось и раньше, и легче, чем они ожидали. Мистера Джонса, хозяина хоть и крутого, но умелого, в последние годы преследовала неудача за неудачей. Он потерял много денег в тяжбе, пал духом, пристрастился к выпивке. И целые дни напролет просиживал в кресле на кухне, читал газеты, потягивал пиво и подкармливал Моисея размоченными в пиве корками. Работники у него обленились, поворовывали, поля заросли сорняками, крыши прохудились, изгороди покосились, скотину недокармливали.

Наступил июнь – пора сенокоса. В канун Иванова дня – он пришелся на субботу – мистер Джонс уехал в Уиллингдон и так нагрузился в «Красном льве», что вернулся только к обеду в воскресенье. Работники с утра пораньше подоили коров и отправились охотиться на зайцев, а задать корму животным и не подумали. Сам мистер Джонс по возвращении за дремал на диване в гостиной, прикрыв лицо «Ньюс оф уорлд»; вот и вечер наступил, а животным так никто и не задал корму. Наконец их терпение лопнуло. Одна корова выбила рогами дверь житницы, животные кинулись к сусекам и – давай хватать зерно. Тут они и разбудили мистера Джонса. Минуты не прошло, а он вместе с четырьмя работниками ворвался в житницу, и по спинам животных загуляли кнуты. Такого оголодавшие животные не могли снести. И, не сговариваясь, все, как один, ринулись на своих угнетателей. На Джонса и работников со всех сторон посыпались пинки и удары. Животные вышли из повиновения. Ничего подобного люди никогда не видели, и этот неожиданный бунт тех самых животных, которых они как только не притесняли и не колотили, перепугал их до потери сознания. Они попробовали было отбиваться, но через минуту-другую пустились наутек. И вот уже все пятеро опрометью мчались по проселочной дороге к большаку, а скотина, торжествуя, гналась за ними следом.

Миссис Джонс выглянула в окно, увидела, что творится, побросала кое-какие вещички в саквояж и задами убежала с фермы. Моисей соскочил с шестка и, громко каркая, пошлепал за ней. Тем временем животные выгнали Джонса с работниками на дорогу и за хлопнули за ними тесовые ворота. Они еще не успели понять, что произошло, а восстание уже свершилось, Джонс был изгнан, и Господский Двор отошел к ним.

Поначалу они не поверили своему счастью. И перво-наперво в полном составе галопом обскакали все межи – уж очень им хотелось удостовериться, что на ферме не осталось и следа людей; потом помчались назад, к службам, – уничтожить следы ненавистного владычества Джонса. Разнесли сбруйницу, пристроенную к торцу конюшни; мундштуки, трензеля, собачьи цепи, страшные ножи, которыми мистер Джонс легчил поросят и ягнят, побросали в колодец. Вожжи, недоуздки, шоры, гнусные торбы швырнули на груды тлеющего во дворе мусора. Туда же полетели и кнуты. Когда кнуты занялись огнем, животные за прыгали от радости. Обвал отправил в огонь и ленты, которые вплетали лошадям в гривы и хвосты по базарным дням.

– Ленты, – объявил он, – приравняются к одежде, а одежда – один из признаков человека. Все животные должны ходить голыми.

Слова его произвели такое впечатление на Бойца, что он принес соломенную шляпу, которая летом спасала его от назойливых мух, и тоже швырнул в костер.

Вскоре было уничтожено все, что напоминало о мистере Джонсе. После чего Наполеон повел животных в житницу и выдал каждому по двойной пайке зерна, а собакам – по две галеты. Потом они спели «Твари Англии» от начала до конца семь раз кряду, улеглись спать, и никогда в жизни им не спалось так хорошо.

Проснулись они по привычке на заре, сразу вспомнили, какие замечательные перемены произошли в их жизни, и дружно рванули на выгон. Чуть подальше на выгоне вздымался взгорок, с которого была видна как на ладони чуть не вся ферма. Животные взобрались на него и при ярком утреннем свете огляделись во круг. Все здесь, куда ни кинь взгляд, отошло к ним! Как тут не восхититься, как не разгорячиться, и уж они резвились, уж они бесились! И ката-

лись по росе, и ели до отвала сладкую летнюю траву, и подкидывали в воздух комья черной земли, и вдыхали ее сытный запах. Они дотошно осмотрели всю ферму; онемев от восторга, глядели они на пашни, луга, сад, пруд, рощицу, смотрели так, словно видели их впервые, и не могли поверить, что ферма отошла к ним.

Потом гуськом двинулись на подворье и в молчании остановились перед хозяйским домом. И хотя дом тоже отошел к ним, войти в него они робели. Но Обвал и Наполеон быстро побороли нерешительность, навалились на дверь, взломали ее, и животные по одному, осторожно ступая из опасения как бы чего не повредить, потянулись в дом. На цыпочках переходили они из комнаты в комнату, говорили приглушенными голосами, с трепетом взирали на неслыханную роскошь – кровати с перинами, зеркала, диван конского волоса, плюшевый ковер, литографию королевы Виктории над камином в гостиной. И, уже спускаясь с крыльца, хватились Молли. Возвратились – и обнаружили ее в парадной спальне. Прижимая к плечу позаимствованную с туалетного столика миссис Джонс голубую ленту, она преглупо глазела на себя в зеркало. Ее вы бранили и увели из дому. Подвешенные к потолку кухни окорока решили предать земле, найденную в кладовке бочку пива Боец пробил копытом, а так больше ничего в доме не тронули. Не сходя с места, единогласно приняли резолюцию – считать хозяйский дом музеем. Все согласились, что никому из животных не подобает в нем жить.

Животные отправились завтракать, после чего Обвал и Наполеон снова созвали их.

– Товарищи, – сказал Наполеон. – Сейчас седьмой час, у нас впереди целый день. Сегодня мы начнем косовицу, но у нас есть еще одно дело, и им мы должны заняться в первую очередь.

И тут-то свиньи открыли им, что за последние три месяца они научились считать и писать по найденным на помойке старым прописям, по которым когда-то учились дети мистера Джонса. Наполеон распорядился принести по банке черной и белой краски и повел их к тесовым воротам, выходящим на большак. Там Обвал (он оказался самым способным к письму) зажал кисть ножкой, замазал надпись «Господский Двор» на верхней тесине ворот и вывел «Скотный Двор». Отныне и навсегда ферма будет именоваться так. После чего они вернулись на подворье, а там Обвал и Наполеон распорядились принести стремянку и велели приставить ее к торцу большого амбара. Они объяснили, что путем упорных трудов свиньям удалось за последних три месяца свести положения скотизма к семи заповедям. Теперь эти семь заповедей будут начертаны на стене и станут нерушимым законом, которым отныне и навек будут руководствоваться животные Скотного Двора. Не без труда (свинье ведь нелегко удержаться на лестнице) Обвал вскарабкался наверх и принялся за работу, а Стукач – он стоял чуть ниже – держал банку с краской. Заповеди начертали на осмоленной стене крупными белыми буквами – их было видно метров за тридцать. Вот они:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.